

ТРАДИЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ДАРОВОМ И ОКРЕСТНОСТЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЮЛЕ 2006 г.)

Родина писателя издавна притягивает к себе внимание исследователей литературы. Как известно, Гете принадлежит афоризм:

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichter's Lande gehen.

Представление о заданности творчества писателя историей его родины остается до сих пор. Цель настоящей экспедиции заключалась, прежде всего, в системном исследовании фольклорного репертуара жителей с. Даровое и его окрестностей. При этом мы учитывали и этнографические особенности изучаемых объектов.

Жилища обитателей изучаемых сел представляют собой тип южнорусских крестьянских изб. Как правило, они двухчастны. Правая половина от входа представляет собой деревянный сруб. Он используется в качестве зимнего жилья. Традиционно он делится на три части: залу, спальню и кухню. Перегородки не доходят до верха. Главным элементом композиционного членения является печь. В то же время левая половина одночастная, является мазанкой и используется в летнее время.

Наиболее заметным объектом горницы или залы является «красный угол», где обычно размещаются иконы. Однако, рядом с «красным углом» помещаются и рамки (нередко всего лишь – одна большая рама) с фотографиями близких родственников. «Коллажная» композиция внутри рамок и самих рамок относительно стены является частью эстетической организации пространства и не воспринимается обитателями как непорядок, который надобно устранить.

Летняя, мазаная, часть – просторное помещение, где находится русская печь. В теплое время на ней готовят пищу. Здесь же хранятся запасы продуктов и вещей, уложенные в сундуки. Вход в сени может быть прикрыт застекленной верандой,

которая тоже служит в качестве летнего жилого помещения.

Снаружи дома размещены хозяйственные постройки: сарай, баня, скотный двор, не соединенные переходами. Кроме типичного жилья, можно встретить коттеджи, и дома, характерные для более северных местностей.

Традиционный репертуар информантов отличается своеобразным «достоевскоцентризмом». Почти каждый из них старается установить степень причастности своего рода к семье великого писателя. Нам постоянно приходилось слышать рассказы о том, что бабушка или прабабушка были служанками в семье Достоевских.

«Моя мама здесь родилась, – рассказывает Нина Терентьевна Ростовцева. – Отсюда она замуж выходила. Марья Александровна ей была посаженной матерью. Марья Алексанна дала ей в приданое что-то»¹... Или, уже от другой информантки: «Это у моей мамы была мама – Мелехова Елена Платонна. Она ходила туда к Марье Алексевне, Ольге Алексевне.² Она ходила к ним. Работала. Помогала по хозяйству. У нашей Елены Платонны все Достоевские брали молочные продукты. Считали, что самые вкусные. Самая чистая женщина в этой деревне. Вот они и масло, и молоко... Все-все-все бабушка делала. К ним в имение носила»...

Интересно, что даже в случае невозможности напрямую связать историю своего рода с историей рода Достоевских, имя писателя все равно так или иначе звучит в фиксируемых преданиях. Настоятель храма в с. Моногарове о. Григорий Решетов свидетельствует, что в селе Федоровка, откуда родом он сам, «название деревни Федоровка <жителями> связано с именем Ф. М. Достоевского. Каким боком – не объясняется, но вот таким образом».

Достаточно устойчиво фиксируются

предания о смерти отца писателя. При этом, как следует из них, Михаил Андреевич был задушен крестьянами. Иногда уточняется: сначала его напоили, а потом и задушили. Версий о естественной смерти в активном бытовании обнаружить не удалось, хотя они хорошо известны всем информантам по книгам. Как говорит Нина Васильевна Мелехова: «Вот у нас еще об отце его есть память. Где наши деревенские старинные мужики в Поповом лесу задушили его. Это не бль, а настоящая правда». На наш вопрос, откуда это известно, рассказчица утверждает: «Это передается». Интересно, что она даже быличку связывает с именем Достоевского: «По Достоевскому-то у нас Груша Удавленница. В каком она – в «Карамазове» что ли? В каком романе-то? Я уж забыла. Мы когда в школу ходили, нам говорили: смотрите, не ходите туда, там Груша Удавленница на дубочке прям. Ну, мы-то не видали никого, конечно. Именно пугали. Детей вот именно. Пойдете – Груша Удавленница за вами припустится. Когда темно бывало, говорили: А-а-а, иди-иди. Сейчас Груша прибежит. Щас покажет. Или чё-то сделает».

Предания, связанные с семьей Достоевских записывались неоднократно, в том числе и сотрудниками нашей кафедры А. П. Радищевым с коломенскими школьниками и студентами в конце 1940-х гг.³ и Т. И. Кондратовой вместе со студентами филфака в последние годы. Поэтому мы сочли наиболее важным постараться зафиксировать собственно фольклорный фон Дарового. При этом следует сказать, что прямая экстраполяция собранного материала на период жизни Ф. М. Достоевского явно не годится. Ибо далеко не все из отмеченных сейчас произведений бытовали в середине XIX века⁴, а бытовавшие тогда сейчас уже не известны⁵.

Отметим, что ряд легенд хорошо укоренены в структуре русского фольклора. Например: «... где стоит сейчас церковь – это Новый Спас. Да и деревня сама называлась Спас-на-Журавне. Деревня сама располагалась, начиная от церкви и за речкой. Тот край. А Старый Спас – там, где

стояла старая церковь, деревянная, оно в другом месте, где карьер... Там высокий берег и бытует тоже легенда, что <церковь> ушла в песок, но скорее всего, повалилась просто. Берег песчаный и крутой, не удивительно, что она не сохранилась...

– Жители как-то объясняют, почему ушла под землю?

– Объяснения никакого нет⁶.

Или:

« – Вообще-то церковь была, вон там.

– Вообще-то. Вот она уже ушла.

– Под землю?

– Да

– А почему она ушла под землю?

– Не знаю почему. Может, вода смыла⁷.

Мы видим, что хорошо известная фабула оказывается сильно редуцированной за счет утраты мотивационного финала. Однако информанты пытаются её восстановить за счет своего представления о происшедшем событии. Но в живой традиции эти финалы уже не остались.

Наиболее устойчиво сохраняются воспоминания об уже утраченных в живом бытовании церковных, календарных и семейных обрядах. Достаточно часто вспоминаются троицкие обряды. При этом интересно, что «кормление березки яичницей» в Даровом не связывается с этим обрядом, но происходит на «красную горку»: «Яишницу мы делали на “красную горку”. Но, по-моему, на “красную горку”. Ходили в лес, тоже в этот лесочек, брали сковороды большие, чугунные. Так вот мы ходили туда в лес, у нас так было...», – рассказала Н. В. Мелехова. Вероятно, произошло совмещение игры «катание яиц с горы», распространенное в России повсеместно на красную горку, с троицкими играми в березовой роще, где яйца фигурировали в виде яичницы. В Даровом же в рощу на красную горку не ходили, но яичницу делали на всю деревню в специально избранной избе.

От Анны Варфоломеевны Воробьевой мы услышали редкий рассказ о гулянии в роще:

« –В рощу ходили на праздники?

– Ходили. Я не знаю на какой, праздник, Егорьев день што ля. Вясной бываить.

Сестра нари^ежалася вот. В липу. А плясала всё.

– Как в липу наряжалась?

– Ну, в листья. Прямо на руки – ветки. Везде ей накрутили веток.⁸ Это. Липовых. Все плясали тут, гармонь играла».

Полное соответствие этому обычаю удалось найти лишь среди мордовских обрядов: «Во время проводов весны, на Троицу, парни и девушки уходили в лес и наряжались в костюмы из веток клена, липы.

Во время осмотра жилищ мы отметили, что рядом с домами в Даровом и окрестных селах посажены липы и ели. В то время как в более северных районах Подмосковья – береза и ель. Следовательно, липа в рассказе нашей информантки и в обрядах жителей с. Назарьево, замещает более известную в Центральной России березу. Как известно, девушка, носящая на Троицу срубленную березу или танцующая, держась за ствол этого дерева, обозначалась словом «березка».⁹

Из числа своеобразных обычаев, далеко не везде фиксируемых, отметим купание молодоженов в пруду.

« – Идешь через пруд – щас – кого пихни в пруд. Тебя толкнут, искупают. А молодожен обязательно.

– Почему?

– Да обычай такой был».¹⁰

Можно предположить, что перед нами трансформированный обряд ритуального омовения молодоженов после первой брачной ночи. В изучаемом регионе он в своем обычном виде не фиксируется. Тем не менее, память о нем могла сохраниться.

Столь же отчетливо припоминаются и обряды, связанные со святками. Прежде всего, следует отметить обряд ряжения. При этом практически все информанты хорошо помнят, что оно, как и на второй день свадьбы, связано с ритуальной «переменой пола» и «переменой возраста»: юноши рядились в женские одежды, часто изображая старух. А девушки, наоборот, в мужское платье, изображая стариков.

Среди записанных поэтических материалов отметим «Авсень»:

«Авсень, Авсень

Ходил по всем.

Шел по дорожке –

нашел железку.

Пошел в кузню –

сделал топорик.

Пошел в лесок –

срубил кли^енок.

Намостил мосточек

трем братцам родимым.

Первому братцу –

Рождество Нового Года¹¹

Второму братцу –

Рождество Христово.

Третьему братцу –

Крещение Христово.

Не дадите пирога –

мы корову за рога.

Не дадите пышку –

свинью за лодыжку.

Не дадите хлеба –

мы утащим деда.

Не дадите нам кишок –

мы хозяина в мешок.

Вот, кто давал нам чево^й-то хорошево... Все давали: “Доброго здоровья, с праздником вам чево^й-то”.

А кто не давал. Были у нас тут такие. Жадные:

Под Новый год –

дубовый гроб»¹².

Отметим, что тремя братцами языческого Авсенья называются христианские праздники, которые персонифицируются и становятся фольклорными персонажами.

Однако повсеместно отмечается и то обстоятельство, что обычаи колядования уже неизвестны молодежи:

« – А вы вот не помните, во времена вашей молодости святки отмечались?

– Отмечались.

– Колядовали, да?

– Да.

–Щас не колядуют. Тогда больше колядовали.

– Больше колядовали?

– Конечно.

– А как это делали?

– Ну, наряжались, в гармонь играли, пели.

– А вот как наряжались?

– Панёвы. Эти. Надевали. Были юбки.

– А панёвы, это что такое?

– Ну, в этих. Как их. В Рязанях¹³. Там в таких в старости ходили¹⁴».

Как видим, наши собеседницы уже не связывают колядование с современностью. А так как современные жители Журавны представляются пришлыми (новыми), то и сам этот обряд не связывают уже с Журавной, но с далекими «Рязанями» – местами детства и юности.

Четко выделяются и обряды, связанные со свадьбой. Все информанты указывают на её двухчастную композицию: первый день – гулянье в доме жениха. Второй – в доме невесты. Это правило не было непреложным. В случае если жених или невеста были бедными, вся свадьба игралась только в одном доме. К тому же если родители молодых были исключительно богаты, то свадебные торжества продолжались целых три дня. Причем третий день празднование проходило в одной из семей по обоюдной договоренности.

Обязательным атрибутом свадьбы была телега или сани, запряженные парой лошадей. Естественно, что бедные обходились одной лошадей. Случаи катания молодых на тройке информанты не припоминали. Хотя говорят, что если б такое было, это означало бы очень пышную свадьбу. Лошади украшались бубенцами, «колокольцами»¹⁵, цветными лентами. В первый день, как и повсеместно, гостей «обыгрывали». На второй день появлялись ряженые, которые и шли будить молодоженов:

« – А как это рядились-то?

– В милиционера. Медсестрой.

– А почему медсестра?

– Брачная ночь-то была.

– Проверяли что ли?

– Нет, не проверяли, знали то. Ну, кому плохо станет¹⁶.

– Ну, пастух был.

– А пастух для чего?

– Ну, милиционер, пастух.

– А зачем?

– Ну, вроде украли. Да-и и ищут, ищут¹⁷»

«Похищенная» невеста называлась

«яркой»: «У мене вот, когда я второй раз замуж-то выходила, пришли и говорят: “У нас пропала ярка (ну невеста – это ярка). А ягнок плачет”. У мене дочка была, это ягнок значить. Значить это. Искали ярку. Ну, ищуть, ищуть. Схоронют её куда-нибудь – найдуть, и ягнок замолчал, матерю нашли. Ведь это же присказки»¹⁸. Последнее утверждение показывает, что носителями традициями прекрасно осознан игровой характер действия, о чем в дальнейшем достаточно подробно рассказала и А. В. Воробьева.

При этом на второй день ряженые поют особые частушки. Иногда их называют «матные» или хулиганские:

« – Вы матные частушки знаете?

– Ой, я очень много знаю. Но не знаю, какую петь.

– На свадьбу что поют?

– Это надо хулиганские. Ну вас на фиг. Вы мене ещё опозорите»¹⁹.

Так полностью подтверждается наблюдение, сделанное в начале прошлого столетия Е. Н. Елеонской в Можайском уезде о пении на второй день свадьбы так называемых «охальных» песен. По сравнению с хулиганскими частушками, «охальные» песни, собранные Елеонской²⁰, представляются более архаичными. При этом информанты без соответствующего вопроса даже не пытались рассказать о существовании подобных частушек. Ответы мы получали лишь на прямые вопросы, а тексты так никто и не пересказал. Елеонская, в своё время, отмечала, что «охальные» песни никогда не исполнялись в присутствии незамужних девушек. Как видим, традиционная народная этика достаточно устойчива, сохраняясь если не в поведении, то уж, во всяком случае, в представлении о нормативности или ненормативности своего поведения.

Дальнейшее исследование может предусматривать изучение традиции записанных рассказов. В ряде случаев было бы интересно установить их этническое происхождение. Тем более что сохранились семейные предания то о выселении непослушных крестьян барами в

Черемошню, то о происхождении рода от семьи, обменной на стаю борзых собак.

Вероятно, есть смысл продолжить типологическое исследование легенд о детстве писателя и членов его семьи.

Бесспорно, остаётся актуальным дальнейшая запись полевого материала и видеофиксация рассказчиков и этнографического материала в живом бытовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее используются материалы расшифрованной фонограммы. Запись сделана 3 – 8 июля 2006 г. студентками филологического факультета КГПИ Ю. Приймак, Е. Попковой, В. Климановой, Е. Самсоновой, И. Ивановой, Е. Стракис и Ю. Федоровой под рук. доц. С. М. Прохорова.

² В обоих случаях – ошибка: должно быть Александровна, но информантка, вероятно, так запомнила рассказ бабушки. Во всяком случае, другие варианты отчеств ею не назывались.

³ К сожалению, самих записей найти не удалось, но автор этих строк слышал о них неоднократно от самого А. П. Радищева. В хранящемся у меня походном дневнике А. П. Радищева есть только отрывочные записи, не связанные с Даровым.

⁴ Так, записанная нами песня «За грибами в лес девицы» – произведение А. Е. Разоренова и не фиксируется в XIX веке.

⁵ Постоянно приходится слышать сетования на то, что песни бабушек уже забылись.

⁶ Из разговора с о. Григорием Решетовым.

⁷ Из разговора у магазина в Журавне с Г. М. Коноваловой и Клавдией Николаевной.

⁸ Жестами она показывает, что ветками сестре прикрывали голову, груди, живот.

⁹ *Любимова Г. В.* К вопросу о статусе переходных обрядов в восточнославянской культурной традиции // Ресурс:

<http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=dominanta.htm&id=623>

¹⁰ А. М. Захарова и Г. М. Коновалова, Журавна.

¹¹ Несогласованность грамматических форм хорошо фиксируется в исполнении сказительницы.

¹² Н.В. Мелехова, д. Чермошня.

¹³ Наша информантка, Г. М. Коновалова, родом из Рязанской области. И хотя уже не одно десятилетие живет в Журавне, часто обращается к воспоминаниям, связанным с Рязанью.

¹⁴ Из разговора у магазина в Журавне с Г. М. Коноваловой и Клавдией Николаевной.

¹⁵ К. П. Романцова. Ср. в стихотворении П. А. Радимова: «С колокольцем дуга».

¹⁶ Имеются в виду жених или невеста. Вообще этот эпизод рассказывался как довольно пикантная шутка. – С.П.

¹⁷ А. М. Захарова и Г. М. Коновалова, Журавна.

¹⁸ А. В. Воробьева, с. Назарьево.

¹⁹ А. В. Воробьева.

²⁰ *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сборник трудов. М., 1994. С. 206 – 207.